

рые в отсутствие должного ухода быстро ветшают и разваливаются, поэтому временным жильцам поручается за ними следить.

Таким образом, коренные кубачинцы и переселенцы занимают различные экономические ниши и нечасто вступают в отношения открытой конкуренции. Можно сказать, что наличие переселенцев позволяет кубачинцам всецело заниматься своим ремеслом. Отношение к переселенцам неоднозначное. Так, одна из информанток позволила себе такое высказывание: «Они живут за наш счет».

Даже у кубачинцев, вернувшихся из Средней Азии, возникли некоторые сложности с адаптацией в сельском сообществе. Издаг, около 50 лет: *«Когда они приехали 10 лет назад из Ташкента, их здесь называли немцами, они обижались. Здесь их не принимали, потому что здесь привыкли женщины работать, а не сидеть без дела. И вообще они отличались»* [ПМА 2010]. Примечательно, что под словом «работать» эта женщина имела в виду не домашнюю работу и разведение скота, а работу, связанную с принесением дохода — государственную или, чаще всего, по обработке серебра.

Для кубачинцев их ремесло и сейчас является важной частью сельской идентичности, восприятия себя как отдельной, даже в какой-то степени этнокультурной группы. Сегодня кубачинцы все еще связывают свое финансовое благополучие с традиционным промыслом. Молодежь считает это занятие престижным и приносящим доход. Тенденция к возвращению кубачинцев из республик бывшего СССР (в основном из Средней Азии) не только в города республики, но и в родное селение, может говорить о его привлекательности как места постоянного жительства и работы. Информанты отмечают, что не только замедлился отток населения из Кубачи, но и наметилась тенденция к возвращению, главным образом молодежи, которая также активно занимается ювелирным делом.

Источник

ПМА — Полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиционной поездки в Республику Дагестан в июне 2010 года.

Библиография

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1949.

В. Ю. Крюкова

«Приводные» существа и трехногий осел хага- в зороастрийской мифологии

В начальном пассаже авестийского Висперета — *наска* (книги), содержащего молитвы, обращенные к различным *gatu* (главам групп, на которые поделены в зороастризме все благие существа, принадлежащие Ахура-Мазде и Святому духу), говорится следующее:

Висперед 1.1
Посвящаю, совершаю [жертву вам,]
Главы (gatu) мысленных, главы плотских,
Главы приводных (urāra), главы наземных (urasma), главы двигающихся
крыльями, главы самоходящих, главы выпасаемых («прикрепленных, следу-
ющих к пастбищу»), ради праведных глав Истины.

Упомянутую в Виспереди 1.1 классификацию благих существ мы находим и в восьмом авестийском Йаште (Йашт 8. 48). Он обращен к божеству Тиштрйе, подающему воды, особенно воды небесные:

Тиштрйе, звезде блестящей,
обладающему хвареной, поклоняемся,
возжеланному всеми
созданиями Святого Духа,
подземными, надземными,
что приводные (urāra), что наземные¹,
что двигающиеся крыльями, что свободноходящие,
что сверх этих, безграничным бесконечным
существованием праведного называются.

В этой классификации праведных творений — одной из первых в зороастризме — в числе прочих gatu упомянут разряд «приводных» существ (urāra-), в данном случае, очевидно, животных, обитающих рядом с водой. Термин urāra встречается в авестийских текстах несколько раз, будучи примененным не только к животным, но и к божественным сущностям, а также единожды к демону, связанному с водой. Помимо того что слово выступает специальным термином, один раз (Йашт 14.41) оно употреблено в качестве прилагательного, обозначающего свойство облака, что по-видимому буквально можно перевести как «надводное (облако)». Четырнадцатый Йашт посвящен божеству победы Веретрагне, и в 41-м пассаже благодатная сила этого божества сравнивается с «надводным» облаком, покрывающим горы. Можно предположить, что связь слова urāra- с небесными водами не случайна (ср. urā.ārət, «на воде» (о тумане). Так, в Авесте urāra- является эпитетом зороастрийского божества Апам Напата (apam napāt «Сын Вод», аналог одноименного древнеиндийского божества), названного urārō uzatō — «приводное божество» (Йашт 19.52).

И в авестийском, и в ведийском собраниях Апам Напат выступает как двойственное божество, не являющееся исключительно водным, природа которого не вполне ясна. В Ригведе он предстает как самостоятельное божество и одновременно «как эпитет Агни, с которым Апам Напат в ряде случаев отождествляется и смешивается <...> Апам Напат иногда выступает и как эпитет Савитара» [Топоров 1991: 91; Oldenberg 1917: 113–114], **ведийского солнечно-го бога**. Ведийский Апам Напат — сын вод и одновременно их оплодотворитель, — в то же время живет в небесной обители, высочайшем месте:

II 35. 6: Здесь («Т.е. в водах». — прим. Т.Я. Елизаренковой [Ригведа 1989: 685]) рождение этого коня (Апам Напата. — В.К.) и на небе [Ригведа 1989: 278].

В Авесте (Йашт 19.51), в пассаже, описывающем попадание божественной харизмы Хварены в воды, Апам Напат, с одной стороны, схватывает оказавшегося у моря Хварену, а с другой — лишь обдумывает, как бы заполучить его со дна моря:

Этого Хварену принесло
К морю Вору-каша,
Где его тут же схватил
Апам Напат быстроконный,
и хочет Апам Напат быстроконный:
этого Хварену схватить бы недостижимого,
со дна моря глубокого,
на дне глубинных вод.

Таким образом, контекст подсказывает, что сам Апат Напат находится скорее у воды, чем в ее глубине, Хварену он так и не получает. То же можно сказать относительно употребления эпитета **урāра- по отношению к упомянутому** в Авесте демону Гандарве (ср. ведийское божество или полубожество Гандхарву, супруга Апсарас, женщины вод; Гандхарва сходен с Апам Напатом также в том, что живет на высшем небе и связан с солнечным светом). Именно *приводными* являются и другие существа, попавшие в Авесте в число **урāра-: жаба, выдра и бобр (?)**.

Термин **урāра**, пожалуй, лишь в единственном случае в Авесте приложен к созданию, всецело связанному с водой, подводным миром. Имеется в виду мифическая рыба Кара (*karō masiīō urārō*), которая живет в глубинах реки Рангха (Йашт 14.29) или «на дне глубинных вод» (Видевдат 19.42 цитирует Йашт 19.51?). На основе анализа новоперсидских слов, содержащих **кага-** и **хага-**, М.Н. Боголюбов сделал предположение, что авестийское **кага-** может служить не обозначением имени рыбы, а определением «большой», соответственно *karō masiīō* должно значить просто «большая рыба» [Боголюбов 1969]². Вне связи с тем, так это или нет, рыба **кага-** **может быть аллюзией или двойником авестийского хага-** («осел»)³, персонажа, не только связанного с водным миром, но и стоящего посреди мирового океана. В новоперсидском Ривайате Шапура Бхаручи **кага-** и **хага-**, вопреки более ранним текстам, смешиваются, — автор пишет о рыбе Хар: «Эта рыба подобна ослу, поэтому она называется *хаг māhī*» [Persian Rivayats 1998–2000)]. Это замечание, в сущности, является ошибочным, поскольку скорее всего возникло в результате неверного понимания Бундахишна, различившего двух персонажей. Тем не менее уже в самих авестийских текстах возможно проследить связь мифологических сюжетов, повествующих о рыбе и трехногом осле (**хага-**):

Йасна 42

4. [Рыбе?] Васи, что *raṃcā.sadvarā-* поклоняемся,
ослу (хага-), что праведный, что стоит посреди моря Воуру-каша, покло-
няемся,

морю Воуру-каша поклоняемся.

5. Хаоме золотистому, высокому поклоняемся...

Толкование авестийского *vāst-* как имени именно рыбы основывается на среднеперсидском переводе Йасны и сведениях Бундахишна. В восемнадцатой главе Большого (иранского) Бундахишна описывается мироустройство: посреди моря Фрахвард (Воуру-каша) стоит древо всех семян Гокирн (Хом), которому противостоит гигантская жаба, создание Злого духа. С жабой, самым большим творением Злого духа, противоборствует рыба Кара (или 10 рыб Кара) — самое большое творение Ормазда (Ахура Мазды), обладающее необычайной чуткостью (в Авесте (Йашт 14.29) эта рыба, помимо чуткости, — что повторяется в описании Бундахишна, — обладает очень хорошим зрением), «и своими челюстями они раскусывают надвое (те) из творений обоих (духов), которые оказались между ними, за исключением одной рыбы, которой является (рыба) Вас-панчасадваран <...> Водяные твари также живут (под) ее особым покровительством» [Зороастрийские тексты 1997: 290]. Там же, посреди моря Фрахвард, стоит трехногий осел фантастического облика, который расправляется с вредными существами, созданиями Злого духа, с помощью золотого рога; «когда он кричит, все самки водяных тварей — творения Ормазда — беременеют, а все беременные вредные твари, когда слышат этот крик, выкидывают (своих) детенышей. Когда он мочится в море, вся морская вода, что в семи кешварах, становится чище» [Там же: 291]. Таким образом, помимо прочего трехногий осел выступает своеобразным подателем плодородия, что характерно для персонажа, связанного с водой⁴.

В сложной схеме, пытающейся совместить близкие по значению (рыба Кара, рыба Вас) или локализации (древо всех семян, рыбы, осел) образы, неудивительно и смешение, и переадресация функций. Так, в другом среднеперсидском сочинении, «Суждения Духа разума», трехногий осел очищает все нечистое своим взглядом, а Хом «произрастает в море Варкаш в самом глубоком месте» [Зороастрийские тексты 1997: 120], при том, что, как мы видели, в Авесте зрительная функция и глубинное местонахождение являются принадлежностью рыбы Кара.

Если рассмотреть данную в среднеперсидских текстах картину мироздания в вертикальном срезе, то мы увидим рыбу и осла, образующих устойчивую пару существ, одно из которых находится над, а другое под водой мирового океана. Вместе они повторяют ось мира, совпадающую с древом всех семян, т.е. мировым древом⁵. Подобная пара известна в ведийской мифологии — это, как правило, упоминаемые вместе Аджа Екапад (одноногий козел) и Ахи Будхья (змея глубин). Важно, что рядом с ними в ведийских текстах часто оказывается Апам Напат, который, как и Аджа Екапад, связан не только с водой, но и со стихией света, солнца (см.: [Horsch]).

Примечания

¹ Перевод urāra как «приводные» и uraspa как «наземные» дан вопреки традиционному «которые живут в воде и на земле» Волффа [Avesta 1910: 193] и Панаино [Panaino 1990: 72]; перевод Стеблин-Каменского: «живущие в воде, живущие в земле» [Авеста 1998: 263].

² Ср.: [Абаев 1989: 141–142, 177–178; Стеблин-Каменский 1999: 409].

³ О альтернации k/x в начале корня в древнеиранских диалектах см., напр.: [Стеблин-Каменский 1999: 26; Расторгуева 2007: 332].

⁴ Подробнее о трехногом осле и параллелях см.: [Зороастрийские тексты 1997: 21–24; Крюкова 2005: 127–133].

⁵ В связи с «осевой» ролью трехногого осла интересно замечание В.И. Абаева об использовании в осетинском и других языках слова «осел» в значении «подставка, опора» [Абаев 1989: 177].

Библиография

- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. U–Z. Л., 1989.
Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998.
Боголюбов М.Н. Персидские слова с KAR и XAR и рыба Кара в Авесте // *Иранская филология*: Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А.Н. Болдырева. М., 1969.
Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадастан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Изд. подготовлено О.М. Чунаковой. М., 1997.
Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005.
Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. F–H. М., 2007.
Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
Топоров В.Н. Апам Напат. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991.
Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen übersetzt auf der Grundlage von Chr. Bartholomae's Altiranisches Wörterbuch von F. Wolff. Strassburg, 1910.
Horsch P. Aja Ekarād und die Sonne // *Indo-Iranian Journal*. Год издания. Vol. 9. N. 1.
Oldenberg H. Die Religion des Veda. Berlin, 1917.
Panaino A. Tištrya. Pt 1. The Avestan Hymn to Sirius. Roma, 1990.
The Persian Rivayats. Electronic edition prepared 1998–2000 by Joseph H. Peterson. 1998–2000. <http://avesta.org/rivayats/rivayat1.htm#chap93>.

Л. С. Лаврентьева

Традиция и инновация в русской культуре

Период с начала XX в. и по настоящее время отмечен резкими изменениями существующих моделей культуры и изменениями в передаче традиций. Эти сложные процессы всегда были и остаются объектами исследования ученых.

В начале 1990-х годов среди этнографов, фольклористов и культурологов в целом ряде коллективных монографий, отдельных статей, на страницах журнала «Советская этнография» бурно обсуждались проблемы народных традиций (см. работы Э.С. Маркаряна, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, К.В. Чистова в журнале «Советская этнография». 1981. № 2 и др.).